

Век высоких технологий шагнул далеко вперёд, и натурные съёмки стали большой редкостью. Киностудии и продюсерские центры теперь обходились собственными съёмочными павильонами — огромными пустырями площадью в сотни тысяч квадратных метров. Стоило запустить проект, как специалисты воссоздавали реалистичную виртуальную сцену и проецировали её с помощью технологии голографической проекции. Степень реалистичности виртуального пространства достигала невероятных девяноста девяти процентов. Межзвёздные сражения мехов, альтернативная история или фэнтезийные миры совершенствующихся — воссоздать можно было всё, на что хватало человеческого воображения.

Основным местом действия в фильме «Решающая битва на вершине Запретного города» был, собственно, сам Запретный город. У этой локации имелся реальный исторический прототип, уже не раз использовавшийся в сериалах. Режиссёрская группа воссоздала его в первую очередь, превратив в площадку для прослушивания — под предлогом того, чтобы актёры с первой же секунды могли проникнуться атмосферой будущей картины.

Когда Цзинь Цин и Яо Чжэньни прибыли на место, очередь из претендентов уже растянулась на сотни метров. Перед Вратами Высшей Гармонии возвышался огромный экран со списком локаций, отведённых под прослушивания на разные роли.

Например:

Честный монах — Зал Центральной Гармонии.

Ли Яньбэй — Дворец Небесной Чистоты.

Оуян Цин — Дворец Земного Спокойствия.

Цзинь Цин лишь безмолвно покачал головой.

Фильм снимал сам режиссёр Винсент, так что стоило объявить кастинг, как актёры со всех уголков обитаемого космоса, преодолевая световые годы, устремились сюда в надежде получить хотя бы крошечную роль.

За исключением главных героев — Лу Сяофэна, Симэнь Чуйсюэ и Е Гучэна, — на каждую второстепенную роль претендовали толпы. Конкурс на ключевые позиции измерялся сотнями, а то и тысячами человек на место. Столпотворение поразило Цзинь Цина — у него возникло стойкое ощущение, будто он очутился посреди шумного восточного базара.

Персонаж по имени Хуа Маньлоу значился в самом конце списка. И хотя имя звучало красиво и поэтично, желающих сыграть его нашлось немного, да и само прослушивание задвинули в один из самых отдалённых павильонов дворцового комплекса.

Цзинь Цин поднял голову, вглядываясь в название павильона, и слегка прищурился.

Яо Чжэньни, не спуская с него глаз, мгновенно уловила перемену в его настроении. Решив, что юноша расстроился из-за пренебрежительного отношения к его роли, она ободряюще похлопала его по плечу:

— Не вешай нос, все с этого начинают. Если тебя утвердят, это уже отличный шанс примелькаться на экранах.

— Хуа Маньлоу? У него же там экранного времени кот наплакал. Появится на секунду и исчезнет, кто его вообще запомнит?

— Вот именно. Каким бы гением ни был режиссёр Винсент, если роль откровенно проходная, тут даже мэтр бессилен.

— С такой-то смазливой мордашкой шёл бы в обычные красавчики-пустышки.

— Да ладно тебе! Думаешь, красавчиком-пустышкой быть просто? Тут одного личика мало, харизма нужна. А у этого что? Одно название.

Шёпот и смешки доносились со всех сторон. Никто и не думал скрывать свои колкости от того, кому они предназначались.

Яо Чжэньни с тревогой взглянула на Цзинь Цина. Сейчас он совсем не походил на того ослепительного юношу, каким предстал при первой встрече. Скромный, тихий, он казался самым обыкновенным подростком, затерявшимся в толпе. И лишь его безупречное лицо, столь диссонирующее с этой невзрачностью, вызывало у окружающих жгучую зависть.

Цзинь Цин повернул голову к Яо Чжэньни, заговорщически подмигнул и негромко произнёс:

— Если тебе не завидуют, значит, ты бездарность. Раз они исходят желчью, значит, я и вправду чертовски хорош собой.

Этот простой жест придал ему столько детского озорства, что Яо Чжэньни невольно улыбнулась. Она наконец вспомнила, что перед ней всего лишь восемнадцатилетний мальчишка. И какими бы выдающимися ни казались порой его рассуждения, это было лишь свидетельством его исключительного таланта и острого ума.

Пока они переговаривались, в толпе неподалёку поднялся гул.

— Что там стряслось?

— Прослушивание на роль Хуа Маньлоу перенесли в Зал Высшей Гармонии!

— С ума сойти... Но ведь там же отбирают актёров на главные роли!

— Слушайте, а мне не поздно переписаться на Хуа Маньлоу? Даже если пролечу, хоть на режиссёра Винсента посмотрю и на главных звёзд одним глазком взгляну!

— Скорее всего, кастинг на главные роли уже завершён, вот и решили заняться мелочёвкой. Винсент ведь известен тем, что лично отсматривает каждого кандидата, даже на самые пустяковые роли.

Толпа терялась в догадках, но у Цзинь Цина было собственное мнение на этот счёт. В книжном томе «Решающая битва» Хуа Маньлоу действительно упоминался вскользь. Однако, если брать весь цикл романов, он бесспорно являлся одним из ключевых персонажей. Столь резкий перенос прослушивания в Зал Высшей Гармонии мог означать лишь одно: эксперты и сценаристы смогли воссоздать новые фрагменты сюжета — например, пролог к «Легенде о Лу Сяофэне».

Бабушка Медведица, Честный монах, Симэнь Чуйсюэ, Хуа Маньлоу и, наконец, сам «Четырёхбровый» — вот пять столпов, на которых держится завязка этой истории. Причём образ самого Лу Сяофэна впервые раскрывается именно через восприятие Хуа Маньлоу. Если историки действительно расшифровали первую часть древнего романа, то расширение роли слепого мастера было шагом вполне логичным и оправданным.

Хуа Маньлоу был удивительным человеком. Настолько самобытным, что любой, кто соприкасался с ним, не мог остаться равнодушным. Слепец, искренне и беззаветно любивший жизнь. В жестоком мире боевых искусств, где человеческая жизнь ценилась не дороже придорожной пыли, подобный персонаж выглядел настоящим чудом.

Восстановление сюжетной линии неизбежно усложнило бы прослушивание, отсеивая случайных кандидатов, но Цзинь Цин этому только радовался. В первоначальном наброске сценария «Решающей битвы» Хуа Маньлоу оставался лишь пустым именем на бумаге. Без оригинального первоисточника даже самые одарённые сценаристы и маститые литературоведы не смогли бы вдохнуть жизнь в этот уникальный образ.

— Кажется, тебя это ничуть не удивило, — заметила Яо Чжэньни.

— Я же говорил: у него очень красивое имя, — с мягкой улыбкой отозвался Цзинь Цин и спокойно шагнул под своды Врат Высшей Гармонии.

Запретный город оставался единственным полностью уцелевшим императорским дворцом в истории Земли. Возведённый ещё в эпоху Юнлэ, он веками высылся незыблемым символом императорской власти. Какие бы бури ни проносились над миром, эти стены берегли с особым трепетом. Когда два тысячелетия назад человечество покинуло колыбель цивилизации, земное наследие было законсервировано с помощью сложнейших технологий. Сегодня вернуться на Землю могли лишь самые могущественные и влиятельные люди Галактики. Но благодаря возможностям голографии, величественный Гугун теперь сиял во всём своём великолепии

здесь, воссозданный до последнего кирпичика.

— О боже... Великий бог... — Яо Чжэньни резко замерла, и её взгляд прикипел к фигуре на возвышении неподалёку.

У самого входа в Зал Высшей Гармонии застыл мужчина в белоснежных одеждах. Густые, угольно-чёрные волосы спускались до самой поясницы, и лёгкий ветерок лениво перебирал их пряди вместе со свободными полами его халата. Лица было не разглядеть, но сам его силуэт дышал столь царственным величием и холодом, что невольно хотелось склонить голову в почтении.

Казалось, сама судьба поцеловала его при рождении. Истинный баловень судьбы, которого никто и никогда не сумел бы свергнуть с пьедестала — разве что он сам пожелал бы спуститься к смертным.

И всё же в этом безупречном облике не хватало одной-единственной детали.

Меча!

«Симэнь Чуйсюэ!»

В своей прежней жизни Цзинь Цин видел немало экранизаций «Легенды о Лу Сяофэне», но ни один актёр так и не сумел передать первозданное величие и леденящее душу бесстрашие Симэнь Чуйсюэ. Он был величайшим мечником поднебесной, достигшим божественного мастерства. Но вершина всегда сурова и одинока — именно это одиночество породило его гордость и абсолютную холодность.

Отрешённый шёпот юноши заставил Яо Чжэньни опомниться. Она удивлённо обернулась:

— Какой ещё Симэнь Чуйсюэ? Это же Элвис! Кумир миллиардов по всей Галактике. Поверить не могу, что вижу его вживую! Похоже, Винсент всё-таки уговорил его поучаствовать в проекте. С ним у картины гарантирован оглушительный успех.

Цзинь Цин лишь покачал головой:

— Пойдём.

Объясняться не имело смысла. В предварительном сценарии имя Симэнь Чуйсюэ даже не упоминалось, как не было и краткого синопсиса. Раз уж они не должны были знать о существовании этого героя, к чему лишние расспросы?

Мысли унесли его далеко в прошлое, воскрешая в памяти древние строки, которыми когда-то

описывали величайшее противостояние двух мастеров меча:

В ночь полнолуния, на вершине Запретного города,

Меч, пришедший с Запада, Летящий небожитель из-за пределов небес.

Тот человек стоял неподвижно и молчаливо, без оружия в руках, но одного взгляда на него хватило, чтобы перед глазами ожил легендарный мечник. Элвис уловил самую суть персонажа, буквально слившись с ним воедино. В эту секунду он и был Симэнь Чуйсюэ.

— И всё-таки, кто этот Элвис? — спросил Цзинь Цин, вспомнив недавний восторг своей спутницы.

— Как это «кто»? Элвис — это же легенда! — Обычно сдержанная Яо Чжэньни сейчас едва сдерживала фанатский писк. — Он Альфа, редчайший самородок. Свой первый шаг в кино он сделал именно под руководством режиссёра Винсента, и с тех пор его карьера превратилась в триумфальное шествие. По нему сходят с ума все — и Беты, и Омеги. Любая Омега почла бы за честь быть с ним, но он ни на кого даже не смотрит. Настоящее божество!

Цзинь Цин лишь понимающе усмехнулся.

Поймав волну и не дождавшись ответа, старшая сестра Яо продолжала с жаром делиться подробностями:

— А ещё он невероятно богат. Свои первые гонорары он выгодно инвестировал и теперь занимает третью строчку в списке богатейших людей Галактики. Поговаривают даже, что это лишь верхушка айсберга, а реальные его активы куда масштабнее. Что ни говори, у Альфы колоссальное врождённое преимущество. Хоть на поле боя, хоть на съёмочной площадке — они всегда приковывают к себе все взгляды.

— Поистине... любимец богов, — пробормотал Цзинь Цин.

— Вот и фанаты так считают! — Яо Чжэньни мечтательно прижала ладони к щекам. — Жаль только, в последнее время он снимается крайне редко. Если проект его не зацепит, он может годами не появляться на экранах. Мы уже всю изнанку души истосковали в ожидании.

Заметив, как быстро Яо Чжэньни перешла от отстранённого «фанаты» к личному «мы», Цзинь Цин не выдержал и рассмеялся:

— Ладно тебе, я уже понял, что ты из их числа. Можешь не шифроваться.

Она шутливо зыркнула на него, всем видом демонстрируя гордость за своего кумира, и

покровительственно похлопала юношу по плечу:

— И тебе нечего переживать. Стоит тебе дебютировать, и через пару лет у тебя тоже появится преданная армия поклонников. Боже мой, поверить не могу... Элвис снимется у Винсента! Какое счастье!

— Он тебя услышал... — тихо заметил Цзинь Цин.

Яо Чжэньни испуганно зажала рот ладонями:

— Я ничего не говорила!

Она воровато огляделась, но на прежнем месте белой фигуры уже не было. Заметив лукавую усмешку на лице спутника, она поняла, что её разыграли, и возмущённо прикрикнула:

— Цзинь Цин! Да его там и в помине нет!

Юноша медленно перевёл взгляд в сторону:

— А вот теперь точно услышал.

Сердце Яо Чжэньни ушло в пятки. Она отчаянно твердила себе под нос: «Это шутка, очередная глупая шутка...» Но, проследив за его взглядом, наткнулась на знакомый белый силуэт.

— Какой позор... — простонала она, готовая сквозь землю провалиться.

Цзинь Цину было глубоко всё равно, расслышал их великий бог или нет. Его сейчас занимал куда более насущный филологический вопрос: неужели современные девушки действительно используют все эти забавные вздохи и стенания в реальной речи?

<http://bllate.org/book/19005/1906868>